

# Понятие народа — между сообществом памяти и воображаемым сообществом: философские наблюдения о концептуальном этногенезе

Ч.Д. Копривица

Белградский университет, Белград, Сербия

## АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие «народ», и в качестве двойственной, полемической, частично друг друга исключаящей теоретической матрицы используется противопоставление понимания народа как сообщества памяти и как воображаемого сообщества. Наша цель, однако, состоит не только в подытоживании двух теоретических позиций, мы намерены с помощью известных концепций и традиций попытаться внести небольшой вклад в освещение бытия народа, используя, прежде всего, философский концептуальный аппарат, а по мере необходимости — социальную онтологию.

**Ключевые слова:** народ; нация; воображаемое сообщество; сообщество памяти; общая судьба; антирепрезентализм; коллективная интенциональность; социальная онтология

**Для цитирования:** Копривица Ч.Д. Понятие народа — между сообществом памяти и воображаемым сообществом: философские наблюдения о концептуальном этногенезе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):64-67. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-64-67

## ORIGINAL PAPER

# The Concept of the Nation — Between the Community of Memory and the Imagined Community: Philosophical Observations on Conceptual Ethnogenesis

Ch.D. Koprivitsa

University of Belgrade, Belgrade, Serbia

## ABSTRACT

The article deals with the concept of “people” people and as a dual, polemical, partially excluding each other theoretical matrix, the opposition of understanding the people as a community of memory and as an imaginary community is used. Our goal, however, is not only to sum up the two theoretical positions, but with the help of well-known concepts and traditions, we intend to try to make a small contribution to the elucidation of the existence of the people, using, first of all, the philosophical conceptual apparatus, and, as necessary, social ontology.

**Keywords:** people; nation; imagined community; memorial community; common destiny; antirepresentalism; collective intentionality; social ontology

**For citation:** Koprivitsa Ch.D. The Concept of the Nation — Between the Community of Memory and the Imagined Community: Philosophical Observations on Conceptual Ethnogenesis. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):64-67. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-64-67

## СМЫСЛ ВОСПОМИНАНИЙ О СУДЬБЕ

Когда говорят, что народ есть «сообщество памяти» [1], мы не станем понимать это как общую аффективно заряженную ориентацию на прошлое, потому что, якобы, только в ней можно найти что-то достаточно ценное, обычно — это какое-то событие, положившее начало созданию национальной общности, которая ныне существует лишь в памяти. Воспоминание, скорее всего, находится в *адверби-*

*альном* положении к какому-то интенциональному объекту, например к конкретному народу (хотя иногда говорят и о цивилизационном сообществе памяти). Народ не смог бы сохранить себя, если бы не было какого-то совместного, по меньшей мере, ментального действия, подтверждающего его существование. Память есть не что иное, как действие, эвоцирующее сообщество, сравнимое с тем, что в традиционной метафизике называется

*generatio continua*. Коллективное действие, без которого нет этнического коллектива, также можно было бы назвать «со-чувством», поскольку воспоминания о чем-то переживаемом как драгоценном неотделимы от коэмоциональности. Конкретные эмоциональные модальности могут быть различными — как совместная радость, так и совместная скорбь — и все это достигает эвокативного эффекта. Помимо этого, в данном контексте мы также можем говорить и об ориентации на будущее через общую проекцию членов сообщества. Важно то, что, если некоторые индивиды что-то (этнически плодотворное) *сделали сообща*, то образуется народное сообщество. Название этого совместного действия и способ его операционализации могут варьироваться и теоретически, и реально, но оно *является конститутивным для идентичности*.

Сообщество, поддерживаемое совместно осуществляемым и впоследствии всегда повторяемым действием, должно тематизироваться не только ретроспективно, но и перспективно; если оно совместно помнит, ожидает и дожидается (своего) будущего, а также обладает «чувством общей судьбы», то это — *сообщество судьбы*.

Разговоры об общей судьбе отдельного сообщества означают не то, что у него она какая-то уникальная, а то, что его члены ретроспективно и перспективно чувствуют себя взаимосвязанными. Скрытое содержание этой «единой судьбы» можно было бы примерно сформулировать следующим образом: *осознавая то, что наши предки разделяли общую судьбу, мы, их потомки, готовы продолжать делать это вместе*.

Для сообщества память не является самоцелью и тем более вопросом какой-то одержимой потребности жить прошлым, а не настоящим и будущим. Воспоминание — это коинтенциональная (через совместное действие) доступная модальность эвокации принадлежности к собственному сообществу. Память, однако, не действие, посредством которого преднамеренно производится определенный эффект. Исходя из сочувственности своих членов, этнический коллектив побочно непреднамеренно (в процессе становления) констатирует свою сплоченность — вплоть до собственного существования [2]. Таким образом, он начинает существовать как *со-чувствующее (себя) сообщество*. «Народность» возникает тогда, когда совместно испытываемое чувство близости в какой-то момент превращается в (сочувствующее) «общее бытие». Народ, по крайней мере в стандартном случае, не возникает из какого-то априорного намерения, но его появление

саморефлексивно констатируется. На основе этого и образуется общая память.

Народ есть коллектив, который и по своим границам, и по своей сущности определяется тем, что он (исторически) *вместе пережил* и продолжает помнить. Те события, которые произошли, сказываются на построении его бытия. Однако только некоторые из преходящих событий сохраняются в памяти народа и со временем становятся основами его идентичности.

Без формирования духовной функции памяти коллектив вообще не может стать народом, тем более «историческим». Первое общее воспоминание ложится в «фундамент» и является основой новых воспоминаний, а затем каждое последующее совместно пережитое и потенциально памятное событие становится проверкой на прочность для предыдущих.

### ВООБРАЖЕНИЕ КАК КАТАЛИЗАТОР ИМАГИНАРНОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Теория нации как воображаемого сообщества имеет явно критический характер. На то, что она якобы *воображаемый конструкт*, должно указывать то обстоятельство, что «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации [...] все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), — воображаемые» [3]. Из тезиса о том, что члены определенной группы *актуализируют* свою принадлежность к ней посредством представления, Б. Андерсон делает вывод, что и сам интенциональный объект этого акта (народ) *«производится»* именно посредством воображения (*imagination*). Означает ли это, что объект лишен внементальной референциальности? Тогда нация была бы конструктом/продуктом коллективной *интенциональности* тех, кто *желает* вообразить себя ее частью.

Подобное высказывание аналогично утверждению, что истина должна быть субъективной (т.е. по своему содержанию зависящей от исполнителя акта ее констатации), потому что никто не может соображать универсально объективно — только через личный перцептивно-понятийный аппарат. Таким образом, получается, что средства достижения цели со-конституируют ее, а суть цели сводится к действиям средств.

Воображаемое сообщество, внутри которого вряд ли все знакомы друг с другом, по своей сути *символическое существо*. Взаимосвязь его членов опосредована действительностью конститутивных

символов. Их аффективный заряд компенсирует абстрактность отношений между никогда не встречавшимися соотечественниками.

Один из недостатков теории нации как воображаемого сообщества — то, что она исходит из кажущегося самоочевидным предположения о том, что даже многочисленные общины должны быть представлены малым коллективам — через личное *я-ты*-отношение. Поскольку большая часть членов многочисленных сообществ никогда не встречалась со всеми своими соотечественниками, сторонники такой интерпретации прибегают к тезису *воображения* как компенсации их личного «незнакомства». Хотя межличностное *я-ты*-отношение возможно и внутри сообщества, контакты его членов опосредованы взаимодействием между индивидуумом и символическим ядром данного коллектива. Казалось бы, парадоксально, — символы кажутся безличными, но конкретизирующими, и являются центрами идентичности для создания больших коллективов, в которых каждый человек лично знаком только с некоторыми их членами.

Всякий человеческий коллектив в *определённом смысле* воображаемый. Каждое коллективно-общественное явление (семья, класс, нация и т.д.) воображается, так как это не природные явления, которые можно констатировать посредством чувственного восприятия. В этом смысле нация как самовоображаемое сообщество не представляет собой ничего особенного.

Когда первое поколение *почувствует* свою принадлежность, и это чувство общности упрочится, можно говорить о существовании народа. Со-чувственность феноменологически первичнее воображения, она логически предшествует ему и обуславливает его — и потому должна занимать более важное место в концептуализации народа.

### О КОНСТИТУТИВНОСТИ АКЦИДЕНТАЛЬНОСТИ ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

«Именно национализм порождает нации, а не наоборот» [4], поэтому феномен национализма не является следствием (предыдущего) существования феномена нации, а, наоборот, нация есть изобретение национализма, т.е. националистов. Это напоминает ироническое примечание Фейербаха: не Бог создал человека, а человек Бога. Кроме того, создавая (свою) нацию, «модерные» националисты, согласно этому выводу, должны, конечно, задним числом реконструировать «домодерный» народ как мнимую историческую основу (т.е. предтечу

своей нации) для того, чтобы скрыть, что нация — их выдумка.

Приемлемо ли тогда для марксистов (если сравнивать идеологически нарративные предпочтения) думать, что идентичность рабочего *класса* есть изобретение идеологов рабочего движения XIX в.? Рабочий класс, несомненно, не является сообществом памяти, хотя идеологи марксизма, опираясь на тезис о том, что вся история есть история классово-борьбы, пытались изобрести и внедрить в сознание современников «память» о предыстории борьбы угнетенных за освобождение — от восстаний рабов в античности и до наших дней. От идеи о том, что рабочий класс представляет собой «сообщество общей судьбы», которая как марксистский контртезис противопоставлялась национальной судьбе, едва ли остается какой-либо глубокий след.

С *обществом* дела обстоят не лучше. Разумеется, что как теоретическое, так и разговорное употребление этого слова предполагает, что совокупность социальных акторов, их взаимодействий, социальных явлений (которые на самом деле конституируются дифференциацией взаимных интересов и, значит, находятся в состоянии взаимного спора) сходятся в единстве *одного* Общества. Общество, подобное (одной) Истории, (одной) Культуре, должно быть *singularia tantum*<sup>1</sup> — таково, по крайней мере, молчаливое семантическое «предположение» этого понятия — даже если интенциональный объект соответствующего термина совсем не однороден, монолитен и, наконец, — *один*.

Как же объяснить происхождение народности? Загадочность этого феномена волнует исследователей уже давно: «Одна нация [...] *есть* множество людей, *желающих* стать [той же] нацией» [5]. Эта парадоксальная циркулярность указывает на то, что национализм возникает из *воли*, причем ее появлению должен предшествовать некий толчок, который в некотором обществе объективно ситуационно близких людей вызывает прилив симпатической однородности. Этот толчок необходимо усилить и перевести сосуществование тех, на кого он воздействует, на более высокую ступень самопереживания, чтобы он стал твердым эмпирическим фактом коллективного существования. Народ как *перформативный самопроизводитель* есть парадоксальная *causa sui*<sup>2</sup>. В этом отношении народ как носитель «само-воли» должен быть и своим «предшественником», и своим «потомком». Вопрос

<sup>1</sup> От лат. — единственное только.

<sup>2</sup> От лат. — причина самого себя.

о происхождении народа, о его онтологической ἀρχή<sup>3</sup>, по всей видимости, не может быть решен исторически, а только — трансисторически.

Когда путем однажды установленной и затем регулярно повторяемой коллективной интенциональности образуется одно *мы*, т.е. когда воображаемый коллективный субъект через коллективную интенциональность схватывает свой объект — тогда создается *коллективный объект*, приписываемый именно этому *коллективному субъекту* как исполнителю акта коллективного самовоображения. После этого группа фактически становится народом.

Генезис народа с точки зрения национального репрезентализма можно рассматривать и диалектически:

Бароны, навязавшие Иоанну Плантагенету Великую хартию, не говорили по-английски и не мыслили себя англичанами, но 700 лет спустя в школьных

учебниках Соединенного Королевства были определены как первые патриоты [3].

К тому можно добавить следующее утверждение: «Такое представление является *ретроспективной иллюзией*...» [6]. Возражение Андерсона состоит в том, что идентичностные неоднородности в истории формирования того, что потом признается нацией, делают неоправданной интерпретацию древних коллективных идентичностей к тому, что возникало на их основе на протяжении времени.

Приобретение своеобразного характера необходимости чего-то первоначально случайного можно наглядно проиллюстрировать по аналогии с примером из природы. Песчаник, по сути, состоит из песка, и то, что он когда-то был рыхлым и чувствительным к внешним воздействиям, например ветру, не означает, что из него не получится что-то твердое. Таким образом, даже случайно соединившиеся племена при благоприятных условиях могут достичь формы самобытности и стать *народом*.

<sup>3</sup> От греч. — начало, основание.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры; 2004. 363 с.  
Assman Ya. Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Transl. from Germ. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury; 2004. 363 p. (In Russ.).
2. Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie. Bonn: Friedrich Cohen Verlag; 1923. 372 с.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле; 2001. 287 с.  
Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Per. from Engl. Moscow: Kanon-press-C, Kuchkovo pole; 2001. 287 p. (In Russ.).
4. Геллнер Э. Нации и национализм. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1991. 289 с.  
Gellner E. Nations and nationalism. Transl. from Eng. Moscow: Progress; 1991. 289 p. (In Russ.).
5. Fröbel J. Theorie der Politik. Wien: C. Gerold's Sohn; 1861.
6. Balibar É. The Nation and Form. History and Ideology. *Review (Fernand Braudel Center)*. 1990; XIII(3):329–361.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

**Часлав Данилович Копривица** — доктор философских наук, очередной профессор факультета политических наук, Белградский университет, Белград, Сербия

**Chaslav D. Koprivica** — Dr. Sci. (Philosophy), Regular Professor of the Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Belgrade, Serbia

<https://orcid.org/0000-0002-9548-6597>

[caslav.koprivica@fpm.bg.ac.rs](mailto:caslav.koprivica@fpm.bg.ac.rs)

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.05.2023; принята к публикации 20.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.05.2023; accepted for publication on 20.06.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.